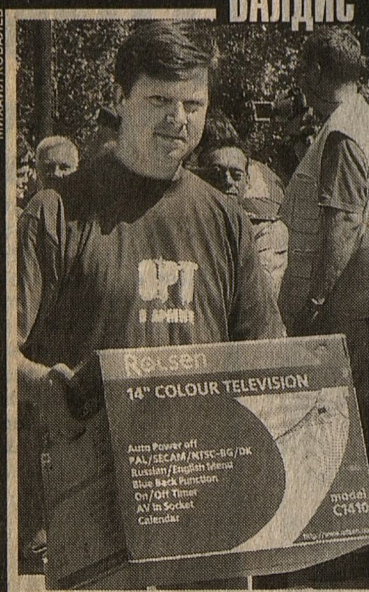

ВАЛДИС ПЕЛЬШ

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

И швец, и жнец, и на дуде игрец. Это Валдис Пельш. Сам играет, сам поет, сам мелодию отгадывает. Потом он куда-то из телевизора провалился, но все знали: такой не пропадет. Действительно не пропал. Теперь Валдис на самом деле проваливается в "Русской рулетке", а еще возглавляет на Первом все игры и все детское вещание.

-Как вы относитесь к Максиму Галкину?

— Очень хорошо. И наша пикировка на сцене в Юрмале — это игра. Мы знали, кто и как будет друг про друга шутить. Я его честно предупредил: "Макс, я скажу, что ты не певец". Если бы он меня попросил этого не говорить, с моей стороны никаких проблем не было бы.

— Вам не кажется, что Галкин выскочил как черт из табакерки и занял ваше место всеобщего любимчика?

— Это же не пожизненное звание. Это только Ниязов себе может позволить. Точно так же и я когда-то выскочил чертиком из табакерки и занял не чужое, а свое место. У нас нет чужих мест.

— А может быть, просто следует обратиться на себя внимание Аллы Борисовны — и проблем не будет?

— Что плохого — спеть с Аллой Пугачевой? А теперь многие ему завидуют. Но можно обтусоваться по всей Москве и мелькать на страницах всех изданий, но если ты собой ничего не представляешь...

— Когда вы перестали вести "Угадай мелодию", то в одночасье исчезли с ТВ. Куда вы пропали? ОРТ вас держало на складе, чтобы вовремя достать?

— Нет, меня никто не очищал от нафталина. Сразу после ухода "Угадай мелодии" из эфира мы с Андреем Разбаем делали программу "Обыкновенное чудо". Проект оказался неудачным. Я понял, что мы не взяли высоту. После этого в течение года я искал себе что-то новое, и канал искал программы под меня.

— То есть ОРТ все же вас держало на коротком поводке?

— У нас нет и такого понятия. Я, как свободный человек, могу прийти и сказать: если вы мне в данный момент ничего не можете предложить, я ухожу на другой канал. У меня был разговор с гендиректором Константином Эрнстом. После чего и появилась "Русская рулетка". Сегодня среди игр ОРТ она одна из лидеров.

— Но сейчас популярнее любой игры программы Комиссарова, когда люди могут увидеть, как стирается соседское "грязное белье".

— Игры вечны, они существуют тысячелетия. Сначала вся Москва играла в преферанс, потом в бильярд, потом в боулинг. Сейчас все гоняют на картах. Так появляется мода на игры. Появилась мода играть на миллион, и все стали играть на миллион. Появилась мода играть на "съемание", и появилось "Слабое звено". Форматы могут меняться. Они могут успешно проходить по всему миру, но не быть адаптированы для России. Вряд ли наше "Поле чудес" понравится американцам или немцам, а тем более датчанам. У них не принято ходить в гости друг к другу так открыто и широко, как у нас, и так существовать в телеэкране. А у нас "Поле чудес" интересно именно тем, что люди приходят и видят своего кумира — народного артиста России. И он их обнимает, целует, радуется их подаркам, шутит с ними, просит сказать "рекламная пауза", и народ от этого балдеет.

— Вы, наверное, в молодости были картежником?

— Да, я азартный человек, хотя уже давно не бываю в казино. Но мне интересно играть с людьми. "Русская рулетка" интересна именно тем, что там есть момент офигительного везения. Как в покере: вам пришла комбинация, и даже карты менять не надо. У нас самая интересная игра, когда выходит человек и ни черта не знает. Он только знает, что под ним пустота. Но испытывал аппаратуру я. Когда я должен был

УЧИМСЯ У ОЛИГАРХОВ!

упасть, то понимал, что в принципе со мной ничего не случится. В конце концов я парашютист категории "С", чего мне бояться. Но мой пульс тогда увеличился очень сильно.

— Вы парашютист, но у вас играют люди разного пола и возраста. Когда они проваливаются, это похоже на убийство.

— Перед тем как люди приходят на игры, мы ставим их в известность, что эта игра связана с повышенной деятельностью сердца. Поэтому люди должны быть к этому готовы. Они заполняют анкету, подписываются, что у них нет патологий. Если они что-то утаили, потому что очень хотели выиграть миллион, и с ними что-то случится, никто не сможет выдвинуть нам претензии. Но у нас реально врач останавливает съемку, если пульс у человека достиг критической отметки. Тогда мы даем человеку успокоительное и возможность прийти в себя. Да, в игре есть гипотетическая возможность получения травмы на уровне вывихов.

— Знаю, как надоел вам вопрос: так куда люди проваливаются?

— Когда я вел "Угадай мелодию", у меня был крест: ко мне подходил человек на улице, и думая в этот момент, что он обалденно смешно шутит, говорил: "Угадай мелодию, ха-ха-ха". Теперь люди подходят и говорят: "Извините, а куда же они все-таки проваливаются?" Я отвечаю: "Вам честно или соврать?" Вообще мы ведем, что там мягкие маты и лететь недалеко, и все безопасно. На самом деле, если честно, это 150-метровый бетонный коллектор, и по мере заполнения битым телом и появления характерного запаха приезжает специальная бригада и откачивает останки. Понятно, что человек летит не 30 метров и не 20, но пусть каждый думает так, как он хочет. Пусть думают, что вообще никто никогда не проваливается и там компьютерная графика.

— Вам не кажется, что ТВ таким образом слишком много на себя берет?

— А сколько артистов переломали ноги, падая со сцены в оркестровые ямы? Да, можно говорить, что это чересчур жестоко, жестоко, алчно. Но люди хотят видеть это. Мы никому ничего не навязываем. Людям это интересно, и мы производим зрелищный и покупаемый продукт.

— А куда дальше идти? Теперь по ТВ осталось только показать самоубийство в прямом эфире.

— У нас в стране и так хватает крови. "Русская рулетка" не ассоциируется с револьвером, приставленным к виску. Да, это игра чем-то напоминает старое развлечение, которым баловались во время Первой мировой войны русские офицеры в окопах. Но проводить прямую параллель неправильно. Мне очень не хочется, чтобы зритель в нашей стране развлекался на фоне красных подтеков на стене. Игры — это же хорошо. Мы должны дать возможность человеку отдохнуть. Он должен знать, что в восемь часов вечера включит телевизор и не будет ничем загружать мозги.

— Ну а как же быть с играми, которые многие называют "заложил ближнего"? Разве "Слабое звено" и "Последний герой" этому не учат?

— Да, мне тоже не очень нравится формат "Последнего героя". Но кому-то же это нравится. А говорить

о том, что "Слабое звено" учит подставлять ближнего, в России бессмысленно. В России бизнес был поставлен изначально на подставках ближнего, когда конкурентов мочили. Поэтому мы, наоборот, учимся на опыте наших доблестных олигархов. Мне кажется, зритель не является таким идиотом и понимает, что это всего лишь игра на деньги на Первом канале.

— Вы еще возглавляете детское вещание ОРТ, которое раньше делал Сергей Супонев. Как вы себя чувствуете на его месте?

— Если честно, я приходил только на место развлекательного вещания. Для меня Сережа Супонев всегда был лучшим ведущим и продюсером детских программ. Он умел общаться с детьми на их языке, а я этого не умею. Поставьте меня на детскую программу, и я буду выглядеть очень бледно. Мы хотим осенью на Первом сделать самостоятельный детский канал. Но детские программы нельзя поставить в прайм-тайм.

— Но если этого требует президент...

— Мы и так даем детскому вещанию столько, сколько можем, и даже чуть больше. К тому же в детских программах нельзя ставить рекламу. Не все могут себе позволить размещать детские программы, и если они не приносят прибыли, то финансируются по остаточному принципу: остались деньги — пожалуйста, сегодня их нет — извините. Главная проблема, что на детской программе нельзя заработать миллион. Но сейчас уже создан центр поддержки детского кино и анимации.

— Ваш самый большой выигрыш и самый большой проигрыш в жизни?

— Наверное, ни того ни другого в моей жизни еще не было. Кажется, самую большую глупость я еще не совершил. Мне предсказали, что в моей жизни все начнется лет через пять. Как говорила героиня "Москва слезам не верит": в сорок лет жизнь только начинается. Так что планов полно.

Александр МЕЛЬМАН.